

Марк Солонин

Три плана товарища

Сталина

Есть факт. На рассвете 22 июня 1941 г. нападения Гитлера на Советский Союз стало для товарища Сталин страшной неожиданностью. В возможность такого развития событий Сталин не верил. Даже вечером 21 июня, когда от командования приграничных округов в Москву полетели шифровки о том, что немцы снимают колючую проволоку на границе и в воздухе висит гул танковых моторов, когда по меньшей мере три солдата вермахта переплыли пограничный Буг в попытке предупредить Родину трудящихся всего мира - даже тогда товарищ Сталин усомнился в достоверности этих сообщений. Да и утром 22 июня Сталину потребовалось несколько часов для того, чтобы принять, наконец, реальность к сведению.

Советское радио передавало бодрую воскресную музыку и зачитывала сводки с полей в то время, когда радиостанции всего мира транслировали заявления Гитлера и Риббентропа. Министр иностранных дел фашистской Италии до полудня безуспешно пытался найти советского посла, чтобы вручить ему официальную ноту с объявлением войны - в воскресенье 22 июня советский дипломат изволили отдыхать на пляже. Поверенный в делах Соединенного Королевства (английского посла С.Криппса к тому времени уже де-факто выпроводили из Москвы) Баггале́й до 12 часов дня 22 июня не мог добиться встречи с Молотовым, а заместитель наркома иностранных дел Вышинский высокомерно отказался от какого-либо обсуждения вопросов оказания помощи Советском Союзу со стороны Великобритании, ссылаясь на отсутствие руководящих указаний.

Нападение Германии изумило обитателей кремлевских кабинетов, ошеломило их и повергло их в состояние шока. Это есть факт.

Есть еще один факт, точнее говоря - большая группа фактов. В мае-июне 1941 г. Вооруженные Силы Советского Союза находились в состоянии скрытого стратегического развертывания. Причем все составляющие стратегического развертывания (мобилизация резервистов, стратегическая перегруппировка и сосредоточение войск, оперативное развертывание группировок) производились в режиме строжайшей, небывалой даже по сверхжестким сталинским меркам, секретности.

Войска западных округов выдвигались к границе ночными переходами, а днем прятались в лесах; соединения внутренних округов перебрасывались на Запад в заколоченных фанерными щитами вагонах, причем место выгрузки (и уж тем более - цель перегруппировки и боевую задачу) не знали даже командиры соединений. Призыв резервистов производился персональными повестками под видом "учебных сборов". Правительство СССР до самого последнего часа не предъявляло Германии никаких претензий, связанных с концентрацией немецкой войск у границы. Более того, официальный рупор советского руководства - агентство ТАСС - 14 июня распространило умиротворяющее заявление: "Никакой войны между СССР и Германией не предвидится, стороны строго соблюдают условия Пакта о ненападении: слухи о близящейся войне *"являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил"*.

В июне 41-го года Советский Союз готовился к широкомасштабным военным действиям, но при этом всеми возможными способами старался скрыть ведущуюся подготовку. Это есть факт.

Перед историками возникла задача: соединить эти два факта в одну картину, дать им внутренне непротиворечивую интерпретацию. Проще говоря, предстояло разъяснить один-единственный вопрос: если Сталин не ожидал немецкого вторжения, то для какой надобности тысячи воинских эшелонов шли к границе, а на базе приграничных округов были развернуты управления ФРОНТОВ, и уже 19 июня - за два дня до нападения, которого Сталин не ждал - фронтовые управления по приказу из Москвы начали выдвижение на полевые командные пункты?

Двадцать лет назад развернутый ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов. Он предположил - и обосновал имевшимися в его распоряжении открытыми советскими публикациями - что Сталин готовился к войне. Готовился всегда, с самого первого дня своей власти. Коллективизация, индустриализация, Большой террор - все это лишь разные грани многогранной работы товарища Сталина по превращению Страны Советов в огромный военный лагерь и разделению строителей коммунизма на две категории: "рабсила" и "пушечное мясо".

В августе 1939 г. Сталин принял окончательное решение - поддержать Гитлера. Поддержать его так, как веревка поддерживает повешенного. Сталин помог Гитлеру начать войну против коалиции западных держав (Англия, Франция и их союзники) для того, чтобы начавшаяся истребительная война разорила Европу, по

пепелищу которой армиям Сталина предстояло пройти триумфальным маршем. В июне 1941 г. подготовка к этому маршу была прервана неожиданным для ослепленного манией величия Сталина вторжением вермахта.

В дальнейшем гипотеза В. Суворова продемонстрировала главный признак истинной научной теории, а именно: все новые факты и документы укладывались в рамки концепции Суворова, как патроны в обойму. Точно и четко, не разрушая конструкцию, но лишь повышая ее "убойную мощь". П.Бобылев, Т.Бушуева, В.Данилов, В.Киселев, М.Мельтюхов, В.Невежин, И.Павлова, М.Солонин, Ю.Фельштинский - вот далеко не полный перечень российских историков, в работах которых приведены сотни документов и фактов, подтверждающих гипотезу В.Суворова и фактически переводящих ее из разряда "гипотезы" в ранг научно установленной истины (вопреки модной ныне политкорректности я считаю, что истина таки существует, и задача исторической науки заключается именно в поиске истины, а не в одном лишь "написании текстов").

С другой стороны, за истекшие после выхода в свет "Ледокола" двадцать лет альтернативных концепций сформулировано не было. Нет ни одной книги, нет ни одной статьи. Никто и ни разу не пытался дать другое объяснение, другую интерпретацию двум, названным мною выше, фундаментальным фактам. Зато есть огромный, возрастающий с каждым днем поток **критики Суворова**.

Информационное поле заполнено и переполнено диким шумом, гамом, визгом, глумливым хохотом.

Огромные площади карельских лесов изведены на издание пасквильных книжонок, в которых с ритуальными выкриками повторяется ставший уже стандартным набором "предъяв". По косточкам разобрана личность Суворова, и "как дважды два доказано", что он очень, очень плохой человек. Не наш он человек. Редиска. До бесконечности повторяются претензии по поводу ошибок в производственных индексах продукции Харьковского паровозостроительного (то бишь танкового) завода или неверно указанного диаметра левого заднего поддерживающего катка.

По глубоко верному замечанию Д.Хмельницкого, производителей "анти-суворовской" макулатуры *"даже бессмысленно упрекать в недобросовестности - авторы исключительно добросовестно выполняют задачу, исключая добросовестный научный подход. Ни по форме, ни по сути она не может числиться по разряду научно-исторической литературы. **Это сочинения, консолидирующие идеологическое сообщество**"*(подчеркнуто мной - М.С.). От полной безнадеги иные критики ограничиваются лишь бесконечным повторением мантры: "Суворов врет в каждом слове". На "посвященных", т.е. на членов секты "воинствующих антирезунистов" эти выкрики производят магическое действие, аналогичное камланию шамана.

"Мне не нужна критика, мне нужна версия". Эта фраза, которую записал на одном из бесчисленных Интернет-форумов анонимный посетитель, предельно четко описывает сложившуюся к 2008 году историографическую ситуацию. Версии, альтернативной гипотезе/теории В.Суворова, как не было, так и нет. Особенно примечательно гробовое молчание мэтров отечественной "исторической науки". Сразу же спешу

уточнить - под "молчанием" я понимаю отсутствие ВЕРСИИ, отсутствие логичной, связной, опирающейся на факты интерпретации действий Сталина в 1939-1941 годах. Шума, крика и призывов "прекратить переписывать историю" полным-полно. Иные выступления российских академиков заставляют лучших отечественных юмористов сгорать от зависти.

Вот, например, выступает на страницах газеты "Красная Звезда" (а это, если кто забыл - официальный печатный орган Министерства обороны РФ) товарищ О.Ржешевский и говорит такие слова:

"Отвергнутая как несостоятельная большинством российских и западных историков, эта версия (версия В.Суворова - М.С.) тем не менее проросла на отечественной почве прежде всего по той причине, что в средствах массовой информации фактически не дают возможности противопоставить ей имеющиеся достоверные документы и факты".^[1]

Вот оно что - не допускают Заведующего отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, Президента ассоциации историков Второй мировой войны, доктора исторических наук, профессора Ржешевского к редакциям и издательствам. Не может маститый ученый предъявить публике "имеющиеся у него достоверные документы и факты". Я, "историк-любитель из Самары" могу предъявить, а Президенту и профессору рот затыкают. Страшное дело. Не иначе, как и здесь "англичанка гадит"...

И не только товарищ Ржешевский связан по рукам и ногам. В одной лишь Москве златоглавой в столичном отделении Академии военных наук числится 257

докторов и 436 кандидатов наук. И это только в Москве. По статуту докторская диссертация должна представлять собой "фундаментальное исследование, формирующее новое направление в науке". 257 научных открытий в области военной истории! Выдающиеся ученые движутся к познанию истины тучными стадами. А ведь кроме докторов военных наук на российских нивах, обильно орошенных нефтедолларами, пасутся несравненно более многочисленные отары докторов исторических наук. А нынче завелись еще и социологические, и политологические доктора...

Оглушительное молчание официальной военно-исторической науки - это не просто "знак согласия" с гипотезой Суворова. Это белая простыня капитуляции, свисающая с подоконника генеральских дач. Имея в своем распоряжении все архивы России, имея толпу штатных, оплаченных за счет налогоплательщика подчиненных, они так и не смогли за 20 лет предъявить "городу и миру" ни одного документа, подтверждающего миролюбивые устремления Сталина.

Если научная дискуссия об общей направленности военно-политических планов Сталина к настоящему времени может считаться завершенной, то **вопрос о запланированных сроках начала вторжения в Европу по-прежнему остается открытым**. И это неудивительно - для сокрытия и извращения информации по этой проблеме официальная советская/российская "историческая наука" приложили максимум усилий. Не будем забывать и о том, что выявление конкретных планов и сроков в принципе невозможно без доступа к тому массиву документов высшего военно-политического

руководства СССР, какие и по сей день наглухо закрыты для любого независимого исследователя.

Как будет показано ниже, планы эти ТРИЖДЫ менялись, и причудливое переплетение обрывков информации о трех, весьма различных по замыслу, планах Сталина ставит перед историками чрезвычайно сложную задачу. Единственное, что можно сказать сегодня со всей определенностью - это то, что в рамках имеющейся источниковой базы РЕШИТЬ эту задачу не удастся. Если что и возможно, так это лишь сформулировать ряд ГИПОТЕЗ, которые будут подтверждены либо опровергнуты следующим поколением историков. Тем, кто считает обсуждение недоказуемых гипотез бесполезной тратой времени, нет смысла продолжать чтение данной статьи. Всех остальных я прошу смириться с присутствием в этом тексте огорчающих и меня самого слов-паразитов: "возможно", "скорее всего", "вероятно", "не исключено", "можно предположить"...

Первый, изначальный план Сталина был предельно прост и логичен. Известные ныне тексты, в частности, опубликованный французским агентством "Гавас" 28-го ноября 1939 г. так называемый "доклад Сталина от 19 августа 1939 г."; опубликованная Т.Бушуевой запись этого "доклада", обнаруженная ею в Особом архиве (хранилище трофейных документов)^[2]; опубликованный М.Шаули отчет группы чехословацких коммунистов об инструкциях, полученных ими в октябре 1939 г. в Москве от руководства НКВД СССР^[3], скорее всего, вполне адекватно передают намерения Сталина образца осени 1939 года - хотя проблема аутентичности самих текстов еще требует своего разрешения.

План № 1 - это попытка реализации древнекитайской притчи про мудрую обезьяну, наблюдающую с горы за схваткой двух тигров. *"В результате своего скудоумия, Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя... С точки зрения экономики, Гитлер зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции... Война обессилит Европу, которая станет нашей лёгкой добычей. Народы примут любой режим, который придёт после войны..."* Если заменить ритуальное в разговоре между "товарищами коммунистами" слово "революция" на гораздо более адекватные ситуации слова "разруха, хаос и анархия", то простой, как и все гениальное, план Сталина предстанет перед нами во всей своей красе.

Осенью 39-го об установлении конкретных сроков вторжения в Европу не могло быть и речи: война еще только-только разгоралась, до полного разорения и истощения противоборствующих сторон было еще очень далеко. На этом этапе именно Германия представлялась Сталину слабой стороной конфликта, которой он оказывал разнообразную политическую, психологическую, экономическую помощь с тем, чтобы война не прекратилась в самом своем начале по причине разгрома Германии. В этой связи стоит отметить один примечательный момент. В упомянутом выше отчете чехословацких коммунистов приводится фраза А.М. Александрова (заведующий Центрально-Европейским отделом НКВД) о том, что *"мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла"*. Эта фраза имеет долгую и вполне достоверную историю.

Произнес её сам Сталин поздним вечером 23 августа 1939 г. в ходе беседы с Риббентропом. 18 октября 1939 г. Риббентроп решил использовать эту фразу в своем публичном выступлении и, как лояльный партнер Сталина, заранее прислал текст в Москву для согласования. В версии Риббентропа слова Сталина звучали так: *"Советский Союз заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию"*.^[4] Товарищ Сталин с пониманием отнесся к желанию Риббентропа публично припугнуть ненавистных англо-французских плутократов и лишь попросил слегка смягчить формулировки. В согласованном варианте слова Сталина прозвучали так: *"Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии. Советский Союз, поэтому, не может одобрить действия западных держав, создающих условия для ослабления Германии и ставящих ее в тяжелое положение"*.^[5] Эта переписка была опубликована 60 лет назад Госдепом США в знаменитом сборнике трофейных документов германского МИДа "Nazi - SovietRelations", и никаких сомнений в ее подлинности у историков нет.

Дело (т.е. анти-западная направленность политики Сталина) не ограничилось одними только словами. Красная Армия вторглась в Польшу и оккупировал чуть более половины ее территории - действие, которое формально ставило СССР на грань войны с Великобританией, давшей Польше пресловутые "гарантии" неприкосновенности ее территории. Затем было нападение на Финляндию - традиционного

союзника западных демократий, исключение Советского Союза из Лиги Наций и уже не формально-юридическая, а вполне реальная перспектива вступления Советского Союза в европейскую войну в качестве противника англо-французского блока.

Удивительный документ (удивительный не своим содержанием, а тем, что его вовремя не уничтожили) сохранился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 г. заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову:

"31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном доме Красной Армии доклад о международном положении... Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной стороны будет стоять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока... Военные действия с Англией, Францией и их союзниками будут носить затяжной характер..."^[6]

В последних строках докладной записки заместитель главного "особиста" НКВД СССР делает в высшей степени странные выводы: *"Многие командиры считают выступление тов. Калинина путанным и освещение в таком виде международной обстановки политически вредным"*. Как прикажете понимать такую расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор "особисты" стали прятаться за "мнение многих командиров"? И это после того, как НКВД успешно пересажало и перестреляло многие тысячи командиров Красной Армии?

Можно предположить, что 5 марта 1940 г. тов. Осетров и сам еще толком не знал, как теперь надо "освещать международную обстановку", с кем и против кого будет воевать Советский Союз, но на всякий случай решил проинформировать Ворошилова с тем, чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям - 4 июня 1940 г. С.А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом - доклад с открытыми заявлениями о "неизбежности войны против англо-французского блока", да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, вовсе не был оценен как злобная клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР.

О войне против Англии и ее союзников не просто говорили в "окружном доме Красной Армии". К ней настойчиво готовились. Ряд историков авиации (В.Белоконь, А.Степанов) обратили внимание на явную "антианглийскую" направленность развития советских ВВС на рубеже 30-40-х годов. Уже имея в серийном производстве и на вооружении строевых частей бомбардировщик ДБ-3ф, способный с бомбовой нагрузкой в 1 тонну пролететь 3300 км (самый дальний на тот момент немецкий He-111 имел боевую дальность не более 2700 км), Сталин в январе 1939 г. ставит перед конструкторами задачу создания бомбардировщика **с дальностью 5000 км**. В соответствии с этими требованиями был разработан и запущен в серийное производство на крупнейшем воронежском авиазаводе №18 двухмоторный бомбардировщик Ер-2.

Куда, в какую даль предстояло лететь "сталинским соколам" на бомбардировщиках с огромным радиусом действия? От Минска до Берлина - 1000 км, от Минска до

Гамбурга - 1200 км, от Киева до Мюнхена - 1400 км, от Владивостока до Токио - 1200 км. Дальности серийного ДБ-3ф вполне хватало для бомбардировки указанных целей. А вот для удара по Британским островам, действительно, требовался бомбардировщик со значительно большей дальностью (от Минска до Лондона 1900 км, до Манчестера - 2000 км).

Самым фантастическим проектом было "изделие ПБ-4": дальний, тяжелый, 4-х моторный и при всем при этом - пикирующий (!!!) бомбардировщик. Столь невероятное (никогда и ни кем не реализованное в металле) сочетание параметров обуславливалось задачей: самолет предназначался для борьбы с крупными надводными кораблями, которые он должен был поражать сверхтяжелой бомбой, разогнанной в пикировании до скорости, позволяющей пробить броневую палубу линкора. ПБ-4 разрабатывался в "шарашке" - тюремном КВ НКВД, в который Берия заботливо собрал весь цвет советской инженерной мысли: Бартини, Глушко, Егер, Королев, Мясищев, Петляков, Стечкин, Туполев, Чаромский... По воспоминаниям Егера, при разработке ПБ-4 в качестве типового объекта для бомбометания рассматривался английский линкор "Нельсон" и база Королевского ВМФ в Скапа-Флоу. И хотя создание самолета с такими параметрами превосходило возможности авиационной техники той эпохи, работы по проекту ПБ-4 продолжались до конца 1939 года.

В разговоре о том, как "под руководством Коммунистической партии накануне войны создавалась мощная оборонная промышленность" обязательно вспомнят и назовут танки Т-34 и КВ, реактивные минометы ("катюша"), штурмовик Ил-2. При этом принято

забывать о грандиозной программе строительства военно-морского флота. В перечне военной техники, оборудования и вооружений, закупленных в 1939-1940 г.г. в Германии (в обмен на кормовое зерно, жмых и очесы льна), едва ли не половину составляют многочисленные образцы корабельной (включая специальные коррозионно-стойкие орудия для подводных лодок) и береговой артиллерии, минного и торпедного вооружения, гидроакустические приборы, палубные самолеты-разведчики и катапульты для их запуска, гребные и турбинные валы, судовые дизели, корабельная броневая сталь, наконец, новейший крейсер "Лютцов", достроенный затем в Ленинграде.

Из 25 миллиардов рублей, ассигнованных в 1940 г. по плану заказов вооружения и боевой техники, почти четверть (5,8 млрд.) выделялась наркомату ВМФ.^[7] К началу мировой войны на вооружении ВМФ великой морской державы Великобритании числилось 58 подводных лодок, Германии - 57, Италии - 68, Японии - 63. Огромная континентальная страна СССР имела на вооружении (правда, не к сентябрю 39 г., а к июню 41 г.) 267 подводных лодок. Двести шестьдесят семь. Вопрос - морскую блокаду какой страны должен был осуществлять этот огромный подводный флот?

В "Записке командующего ВВС Черноморского флота по плану операций ВВС ЧФ" (не ранее 27 марта 1940 г.) читаем:

"Вероятный противник: Англия Франция, Румыния, Турция

Задачи ВВС:нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре...^[8]

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота на 1940-1941 г.г. предполагал следующее развитие событий:

"...Задачи авиации по театрам военных действий:

1. Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна...

2. Эгейское море: Салоники, Смирна...

3. Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи... Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и Средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации...^[9]

В эти же месяцы весны 1940 г. Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием: *"Описание маршрутов по Индии №1 (перевалы Барочиль, Читраль) и №4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор)*^[10]

На 34 страницах был составлен "Перечень военно-промышленных объектов" Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии.^[11] Все перечисленные страны - колонии или союзники Великобритании.

11 мая 1940 г. дивизионный комиссар Шабалин подает докладную записку начальнику Главного Политуправления Красной Армии Мехлису, в которой с большой тревогой пишет о *"необходимости тщательно*

просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре"^[12]

Вся эта "маниловщина", сладкие сны про "перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор" на пути к Индийскому океану и освободительный поход на Иерусалим, рассыпалась в пух и прах в мае 1940 г. Франция и ее союзники были разгромлены в течение одного месяца. Английский экспедиционный корпус еле унес ноги, оставив на прибрежном песке Дюнкерка горы тяжелого вооружения. Новорожденный вермахт с головокружительной быстротой превращался в мощнейшую армию мира. Большая часть континентальной Западной Европы оказалась под контролем Гитлера. Эта ошеломляющая реальность заставила Сталина срочно менять стратегический план войны.

Еще совсем недавно (17 апреля 1940 г.), менее, чем за месяц до начала немецкого наступления на Западе, выступая на Совещании высшего состава Красной Армии, Сталин выразил свою обеспокоенность пассивностью вяло-дерущихся империалистов: *"Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено"*. Два месяца спустя немецкие войска прошли парадным маршем под Триумфальной аркой Парижа, и перед шибко мудрой обезьяной замаячила перспектива оказаться один на один с разъяренным, попробовавшим вкус крови, тигром. Но пронесло.

Летом 40-го года Гитлер в первый (но еще не в последний) раз помог Сталину выкарабкаться из крайне

тяжелой ситуации. Вместо того, чтобы вовремя остановиться и, выражаясь циничным языком биржевых спекулянтов, "зафиксировать прибыль", Гитлер решил добить непокорную Англию. И вот тут-то коса нашла на камень. 22 июня (да, странные шутки отпускает порой История...) 1940 года советский посол И.Майский докладывал из Лондона в Москву:

"Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение британского правительства, несмотря на капитуляцию Франции, продолжать войну, находит всеобщую поддержку населения... Большую роль в этом сыграли выступления Черчилля. Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца..."

В августе 1940 г. началось крупномасштабное воздушное наступление на Британские острова. Однако, несмотря на значительное численное превосходство люфтваффе, блицкриг в небе над Лондоном не состоялся. Не удалось задушить Англию и удавкой морской блокадой, хотя немецкие подводники и добились огромных успехов, отправляя на дно морское ежемесячно по 300 000 тонн тоннажа уничтоженных судов. Война, которая в июне 40-го казалась уже завершенной, разгоралась с новой силой, распространяясь на огромной территории от побережья северной Норвегии до пустынь Северной Африки. Товарищ Сталин смог облегченно вздохнуть и приступить к разработке "плана №2".

План № 2 - это план войны с Германией. Не вместе с Германией, а против Германии.

В отличие от "плана №1", о содержании которого можно лишь догадываться по отдельным крохам информации, "план № 2" известен сегодня достаточно

подробно. В первой половине 90-х годов были рассекречены и опубликованы в ряде сборников следующие документы:

- Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину и В.М.Молотову "Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке", б/н, не позднее 16 августа 1940 г.^[13]

- Документ с аналогичным названием, но уже с номером (№103202) и точной датой подписания (18 сентября 1940 г.)^[14]

- Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину и В.М.Молотову № 103313 (документ начинается словами *"Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год"*, в связи с чем его обычно именуют "уточненный октябрьский план стратегического развертывания")^[15]

-Докладная записка начальника штаба Киевского ОВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 г, б/н, не позднее декабря 1940 г.^[16]

-Выдержки из доклада Генштаба Красной Армии "О стратегическом развертывании Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке", б/н, от 11 марта 1940 г.^[17]

-Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками

Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа, б/н, апрель 1941 г.^[18]

-Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, б/н, не ранее 15 мая 1941 г.^[19]

К документам, описывающим оперативные планы советского командования следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА. К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А.М.Василевского (в качестве заместителя начальника Оперативного управления Генштаба он участвовал в разработке всех вышеуказанных оперативных планов), который прямо указывает на то, что *"в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил"*.^[20]

Строго говоря, информации для размышление предостаточно. В распоряжении историков имеется пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной Армии и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов: Юго-Западного и Западного. В рамках данной статьи следует отметить лишь несколько ключевых моментов.

Во-первых, оперативный план Большой Войны существовал (*"Оперативный план войны против Германии существовал, и он был отработан не только в Генеральном штабе, но и детализирован командующими*

войсками и штабами западных приграничных военных округов Советского Союза" - А.М. Василевский). Странно, что это надо особо подчеркивать, но иные пропагандисты в своем "усердии не по разуму" доходили и до утверждения о том, что "наивный и доверчивый" Сталин заменил разработку военно-оперативных планов любовным разглядыванием подписи Риббентропа на пресловутом "Пакте о ненападении".

Разумеется, план войны с Германией существовал, и многомесячная работа над ним шла безо всяких оглядок на Пакт. В упомянутых выше планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР (т.е. начиная с августа 1940 г.) Англия в качестве возможного противника СССР уже не упоминается (!!!); главным противником неизменно считается Германия, которую предположительно могли поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия.

Внимательное сопоставление документов позволяет высказать предположение о преднамеренной (с целью скрыть истинные планы высшего военно-политического руководства страны) дезинформация собственных войск, которая поднималась вплоть до уровня командующих военными округами. Документы, адресованные командованию округов (или составленные в округах в соответствии с директивными указаниями Генштаба) и содержательно и текстуально совпадают с общим планом стратегического развертывания Красной Армии и общим планом первых наступательных операций. Но есть одно **важное отличие.**

В первых строках "окружных документов" (записка начальника штаба Киевского ОВО декабря 1940 г. и Директива на разработку плана оперативного

развертывания Западного ОВО апреля 1941 г.) содержится такая фраза: *"Пакты о ненападении между СССР и Германией, между СССР и Италией в настоящее время, можно полагать, обеспечивают мирное положение на наших западных границах"*. В документах же высшего руководства (докладных записках наркома обороны на имя Сталина и Молотова) пресловутый "Пакт" не упоминается ни разу! Далее, в апреле 1941 г. Директива наркома обороны СССР так ориентирует командующего войсками Западного особого военного округа:

"СССР не думает нападать на Германию и Италию. Эти государства, видимо, тоже не думают напасть на СССР в ближайшее время. Однако, учитывая (далее идет перечень различных внешнеполитических событий - М.С.), необходимо при выработке плана обороны СССР иметь в виду не только таких противников, как Финляндия, Румыния, Англия, но и таких возможных противников, как Германия, Италия и Япония".

И это при том, что в "кремлевских документах" главным противником однозначно называется именно и только Германия, а про возможную войну с Англией нет ни слова!

Во-вторых, все опубликованные на сей момент планы стратегического развертывания представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно изменяющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное сходство всех планов. Все без исключения планы представляют собой **план наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР**. Стратегическая оборонительная операция на собственной территории не

рассматривалась даже как **один из возможных вариантов** развития событий будущей войны! Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских и прусских городов и рек. Глубина наступления в рамках решения "первой стратегической задачи" составляет 250-300 км, продолжительной операции - 20-30 дней.

В-третьих, только августовский (1940 г.) вариант плана ставит выбор направления развертывания главных сил Красной Армии в зависимость от вероятных планов противника (*"считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья"*). С большой натяжкой эту логику еще можно назвать "планированием ответного контрудара". Все же последующие варианты устанавливают направление главного удара исключительно из соображений военно-оперативных и политических "удобств" для наступающей Красной Армии. Оценка вероятных планов германского командования (нанесение немцами главного удара к северу или к югу от болот Полесья) несколько раз меняется, но это уже никак не влияет на выбор направления главного удара Красной Армии.

Конкретнее: начиная с сентября 1940 г. все варианты оперативного плана предусматривают развертывание главных сил Красной Армии в районе так называемого "Львовского выступа" для нанесения удара в общем направлении на Краков-Катовице. Выбор именно такой схемы развертывания составители документов обосновывают сугубо наступательными соображениями: отсутствием у противника на данном направлении долговременных оборонительных укреплений;

характером местности, позволяющей в большей степени реализовать ударную мощь танковых соединений; возможностью уже на первом этапе войны отрезать Германию от сырьевых (нефть) и продовольственных ресурсов юго-восточной Европы.

Если сам замысел операции понятен, и дискуссия возможна лишь в плане уточнения отдельных деталей, то даже ориентировочную дату начала "освободительного похода" установить на основании рассекреченных документов невозможно.

Высказанная В.Суворовым и И.Буничем гипотеза о том, что вторжение в Европу Сталин намеревался начать в тот момент, когда немецкие войска высадятся на Британских островах, не находит подтверждения в известных документах. Нет слов, гипотеза красивая и логичная, но для историка одной только "красоты замысла" мало. Не может считаться подтверждением этой гипотезы и имеющаяся в Докладной записке начальника штаба Киевского ОВО (декабрь 1940 г.) фраза: *"вооруженное нападение Германии на СССР наиболее вероятно при ситуации, когда Германия в борьбе с Англией будет победительницей и сохранит свое экономическое и военное господствующее влияние на Балканах"*. Ни в Москве, ни в Киеве пассивно ждать "вооруженного нападения Германии на СССР" не собирались; план наступления должен был быть реализован еще до того, как *"Германия в борьбе с Англией будет победительницей"*, но когда именно - об этом в Докладной записке нет ни слова. Вольшие вопросы вызывает Доклад Генштаба Красной Армии от 11 марта 1941 г., который - вопреки всем писаным и неписанным правилам научной публикации исторических документов - был опубликован в крайне усеченном виде.

Фактически, рассекречен лишь подробный обзор предполагаемых планов и группировки противника. Собственные планы советского командования преднамеренно оставлены "за кадром".

Интерес к этому документу подогрел никто иной, как сам М.А. Гареев, имевший неосторожность заявить, что в Докладе от 11 марта 1941 г. (в той его части, которая не была опубликована) рукой Ватутина была вписана фраза: "*Наступление начать 12.6*".^[21] На Интернет-форуме сайта "Военная литература" некий товарищ утверждал, что держал этот документ в руках, что в архивном формуляре уже имеется 12 фамилий людей, работавших с документом, и что указанная рукописная надпись на обороте одного из листов, действительно, имеется. Однако никто из этих загадочных "двенадцати посвященных" полный текст Доклада от 11 марта 1941 г. так и не опубликовал.

Разумеется, ничего, кроме горького смеха сквозь слезы, такая "историографическая ситуация" вызвать не может. Государство российское продолжает успешно играть с независимыми историками в прятки. Помнится, в годы моего детства была такая радиопередача: "Угадайка, угадайка - интересная игра..."

Вернемся, однако, к опубликованным документам. Они дают некоторое основание предположить, что загадочная надпись "*наступление начать 12 июня*" (если только она существует в действительности!) никак не могла быть связана с 12 июня 1941 года. Скорее всего, речь шла о лете 1942 года. И вот почему. Апрель 41-го наступил после 11 марта 1941 г. Соответственно, апрельская (1941 г.) Директива наркома обороны на разработку плана оперативного развертывания войск

Западного ОВО должна была учитывать решения, принятые Сталиным по Докладу военного руководства от 11 марта. В соответствии с этой Директивой войска Западного ОВО должны были нанести сокрушительные удары *"в общем направлении на Седлец, Радом с целью полного окружения, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом, Люблинской группировки противника... Овладеть на третий день операции Седлец и на 5 день - переправами на р. Висла"*.

Главной ударной силой округа (фронта) должны были стать пять мехкорпусов: 6 МК, 11 МК, 13 МК, 14 МК и 17 МК. Из них к июню 1941 г. почти полностью укомплектован боевой техникой и автотранспортом был один только 6 МК; два других мехкорпуса (11-й и 14-й) по планам Генерального штаба заканчивали формирование лишь в начале 1942 года. Что же касается 13 МК и 17 МК, то они находились на ранней стадии формирования и даже к концу 1941 г. их плановая укомплектованность танками не превышала 25-30%. Начать намеченное Директивой наступление 12 июня 1941 г. такая танковая группировка никак не могла.

В целом, вся развернутая в феврале 1941 г. программа формирования гигантских бронетанковых сил в составе тридцати мехкорпусов по тысяче танков в каждом, перевооружение этой чудовищной бронированной орды на "танки новых типов", т.е. KV и Т-34, не могла быть завершена до конца 1942 года (если не позже). Ни один разумный человек - а Сталин, без сомнения, был человеком трезвомыслящим и чрезвычайно осторожным - не стал бы затевать такой грандиозный "капитальный ремонт" за несколько месяцев до Большой Войны. Очень может быть, что в бесконечных заклинаниях советской исторической

пропаганды ("Сталин надеялся оттянуть нападение Германии до лета 1942 года"), есть изрядная доля истины. Правда, истины причудливо искаженной. Сталин не для того создавал крупнейшую армию мира, чтобы с замиранием сердца гадать: "нападет - не нападет..." Сталин вел свою собственную, активную и наступательную политику; он вовсе не ждал нападения Гитлера, а выбирал оптимальный момент для нанесения сокрушительного первого удара. В марте 1941 г. этот момент, скорее всего, был отнесен не к лету 41-го, а к началу лета ("12 июня") 1942 или даже 1943 года.

"В поле две воли" - говорит старинная русская поговорка. Драматичное развитие событий мировой войны не позволило Сталину подготовиться к вторжению в Европу основательно, "с чувством, с толком, с расстановкой". В какой-то момент весны 1941 г. Сталин понял, что "оттянуть" до лета следующего года не удастся, и нанести удар первым возможно лишь в том случае, если Красная Армия начнет наступление не позднее сентября 1941 года. Так умер, не успев реализоваться, "план № 2", и высшему военно-политическому руководству Советского Союза пришлось разрабатывать "план № 3".

Когда произошел этот резкий поворот в планах Сталина? Как ни странно, но мы можем определить этот момент времени с точностью до одного-двух месяцев (что в отсутствии прямых документальных свидетельств может считаться высокой точностью). **Не раньше 6 апреля - и не позже 24 мая 1941 г.**

6 апреля 1941 г. - один из наиболее загадочных дней в истории Второй Мировой войны. Напомним основную канву событий. В ночь с 26 на 27 марта в

Белграде произошел военный переворот, инспирированный то ли английской, то ли советской спецслужбами. Новое правительство генерала Симовича заявило о своем намерении дать твердый отпор германским притязаниям и обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу.

3 апреля (т.е. всего лишь через неделю после переворота) югославская делегация уже вела в Москве переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве с самим Сталиным. Несмотря на то, что Германия через посла Шуленбурга довела до сведения Молотова свое мнение о том, что *"момент для заключения договора с Югославией выбран неудачно и вызывает нежелательное впечатление"*, в 2-30 ночи 6 апреля 1941 г. советско-югославский договор был подписан.

Через несколько часов после его подписания самолеты люфтваффе подвергли ожесточенной бомбардировке Белград, и немецкие войска вторглись на территорию Югославии. Советский Союз никак и ничем не помог своему новому другу. 6 апреля, примерно в 16 часов по московскому времени Молотов принял Шуленбурга и, выслушав официальное сообщение о вторжении вермахта в Югославию, ограничился лишь меланхолическим замечанием: *"Крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным..."*^[22] Что это было? Для какой надобности Сталин демонстративно "дразнил" Гитлера, не имея желаний (да и практической возможности) оказать Югославии действенную военную помощь? Доподлинно известно, что в Берлине этот странный дипломатический демарш восприняли с крайним раздражением. Позднее (22 июня 1941 г.)

именно события 5-6 апреля были использованы в германском меморандуме об объявлении войны Советскому Союзу как главное свидетельство враждебной политики, которую Советский Союз проводил в отношении Германии (*"С заключением советско-югославского договора о дружбе, укрепившем тыл белградских заговорщиков, СССР присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии"*).

6 апреля - это последний день, про который можно с уверенностью сказать, что в этот день советско-германские отношения были весьма напряженными и недружественными. Далее **внешняя** (подчеркнем и это слово тремя жирными чертами) канва событий резко меняется. Причем меняется в сугубо одностороннем порядке - Москва начинает демонстративно и навязчиво дружить с Берлином.

13 апреля 1941 г. произошло крупное событие мирового значения: в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией - соглашение, которое развязывало Сталину руки для действий на Западе. В этот же день случился и небольшой эпизод на московском вокзале, привлечший, однако, к себе пристальное внимание политиков и дипломатов всего мира. В отчете, который посол Германии в тот же день с пометкой "Срочно! Секретно!" отправил в Берлин, этот странный эпизод был описан так:

"...Явно неожиданно как для японцев, так и для русских вдруг появились Сталин и Молотов и в подчеркнута дружеской манере приветствовали Мацуоку и японцев, которые там присутствовали, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил

обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: "Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь всё для этого сделать!"

Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: "Мы останемся друзьями с Вами в любом случае". Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей там".

Жаркие объятия у дверей вагона были вскоре дополнены и другими, столь же демонстративными действиями. В Москве были закрыты посольства и дипломатические представительства стран, разгромленных и оккупированных вермахтом. Не стало исключением и посольство той самой Югославии, на договоре о дружбе с которой, как говорится, "еще не просохли чернила". С другой стороны, взаимоотношения с Великобританией дошли до такой точки замерзания, что английский посол С.Криппс 6 июня 1941 г. был отозван из Москвы в Лондон "для консультаций".

В мае 1941 г. Советский Союз с молниеносной готовностью признал прогерманское правительство Ирака, пришедшее к власти путем военного переворота. В самом благожелательном по отношению к Германии духе решались все вопросы экономического сотрудничества. В меморандуме МИД Германии от 15 мая 1941 г. отмечалось:

"Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР были проведены в весьма конструктивном духе... У меня создается

впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года... В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то, что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно...^[23]

Престарелый граф Шуленбург был совершенно очарован объятиями гостеприимных московских хозяев (к слову говоря, в 1944 г. бывший посол Германии в СССР был казнен за участие в заговоре против Гитлера, так что его "наивная доверчивость" могла быть и не столь наивной, как кажется). 24 мая 1941 г. в очередном донесении в Берлин он пишет:

*"... То, что эта внешняя политика, прежде всего, направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством **в последние недели** (подчеркнуто мной - М.С.), тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений..."*^[24]

5 мая 1941 г. Сталин назначил себя Председателем СНК, т.е. главой правительства СССР. Это событие удивило тогда всех - кроме, разумеется, граждан Страны Советов, которые горячо и единодушно одобрили очередное мудрое решение. Все остальные терялись в догадках. Позднее, осенью 1941 г. С.Криппс писал в своем докладе на имя министра иностранных дел Э.Идена:

"... в СССР начали происходить вещи, имевшие очевидно, некоторые специальные цели. Вскоре после

первомайского парада был опубликован Указ о назначении Сталина на пост премьер-министра, что, несомненно, было актом громадного политического значения. Все утверждали, что за этим его шагом скрывается какая-то важная цель, но никто с уверенностью не знал, что это значило..."^[25]

Тайна сия велика есть. Вряд ли надо объяснять, что и до 5 мая 1941 г. товарищ Сталин, будучи всего лишь одним из многих депутатов Верховного Совета СССР, обладал абсолютной полнотой власти. И до 5 мая 1941 г. товарищ Молотов, являясь номинальным Председателем СНК, согласовывал любой свой шаг, любое решение правительства с волей Сталина. Долгие годы Сталин управлял страной, не испытывая нужды в формальном оформлении своего фактического статуса единоличного диктатора. Что же изменилось в начале мая 41-го года?

10 мая 1941 г. в Комитете Оборона при СНК СССР был утвержден "Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании" (кого с кем - не указано). Пункт 14 повестки дня звучит так: *"О дополнительных сметах расходов **на период мобилизации и первый месяц войны**"*.^[26] 12 мая 1941 г. подготовлен "Перечень вопросов в ЦК ВКП(б)". Пункт 7: *"О работе ГВФ (Гражданский Воздушный флот) **в военное время**"*.^[27]

Особого внимания заслуживает следующий документ. 4 июня 1941 г. нарком ВМФ Н.Кузнецов направляет заместителю Председателя СНК (т.е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: "совершенно секретно, особой важности". И это действительно документ особой важности для историка - в нем впервые рядом со словосочетанием "военное

время" появляются абсолютно конкретные даты: *"Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению **на военное время с 1.07.41 по 1.01.43**. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50% от общей потребности на период до 1.01.43 г."*^[28]

Как видим, нарком ВМФ планирует воевать уже в следующем месяце. Оперативный план этой большой морской войны уже составлен - в противном случае Н.Г. Кузнецов не мог бы прогнозировать конкретное распределение расхода минно-торпедного вооружения по каждому полугодию.

В мае (не ранее 15 мая, точная дата не известна) был составлен очередной вариант "Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза". Майские "Соображения" - полностью повторяющие все предыдущие варианты по целям, задачам, направлениям главных ударов, срокам и рубежам - содержат некоторый новый момент. А именно: *"Германия имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар"*. Во всех других известных вариантах плана стратегического развертывания **подобной по содержанию фразы нет**. Далее разработчики плана настойчиво предлагают *"ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск"*.

Исключительно важно подчеркнуть, что речь идет вовсе не о "большей агрессивности" майских "Соображений" - все предыдущие варианты также не предлагали ничего иного, кроме проведения крупномасштабной наступательной операции за пределами государственных границ СССР. Что же до намерения опередить противника и "ни в коем случае не давать ему инициативы действий", то оно является всего лишь элементарным требованием здравого смысла. Существенная новизна заключается в том, что в мае 41-го советское командование **уже не столь уверено в том, что ему удастся это сделать**, и поэтому просит Сталина незамедлительно провести все необходимые мероприятия, *"без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле"*.

24 мая 1941 г. в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого, кроме самого Сталина, были:

- заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов
- нарком обороны Тимошенко
- начальник Генерального штаба Жуков
- начальник Оперативного управления Генштаба Ватулин
- начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев
- командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены Военных советов и командующие ВВС этих округов.

Других столь же представительных совещаний высшего военно-политического руководства СССР не было ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этой даты вплоть до начала войны.

Не менее примечательным является и перечень тех лиц, которых на Совещании 24 мая 1941 г. не было. Не были приглашены:

- председатель Комитета Оборона при СНК СССР маршал Ворошилов

- заместители наркома обороны: маршалы Буденный, Кулик, Шапошников, генерал армии Мерецков

- начальник Главного управления политической пропаганды РККА Запорожец

- нарком ВМФ Н.Кузнецов

- нарком внутренних дел Л.Берия

- секретари ЦК ВКП(б) Жданов и Маленков, курировавшие по партийной линии военные вопросы и входившие в состав Главного Военного Совета.

Вот, собственно, и весь "массив информации". Ничего большего не известно и по сей день. Ни советская, ни российская официальная историография не проронила ни слова о предмете обсуждения и принятых 24 мая решениях. Ничего не сообщили в своих мемуарах и немногие дожившие до смерти Сталина участники Совещания. Рассекреченные уже в начале 21-го века Особые Папки протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за май 1941 г. (РГАСПИ, ф.17, оп. 162, д.34-35) также не содержат даже малейших упоминаний об этом Совещании. И лишь маршал Василевский в своей статье, пролежавшей в архивной тиши без малого 27 лет,

вспоминает: "За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии, точной даты, к сожалению, назвать не могу, вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих военных округов".

Какие выводы можем мы сделать на основании имеющихся обрывков информации? 24 мая 1941 г. состоялось Совещание высшего военно-политического руководства страны. Состав участников Совещания достаточно странный: отсутствуют маршалы, занимающие высокие и громкие по названию должности, зато присутствуют генерал-лейтенанты из округов. Если бы в кабинете у Сталина происходило обычное "дежурное мероприятие", что-нибудь вроде обсуждения итогов боевой подготовки войск и планов учений на летний период, то состав участников, скорее всего, был бы иным. Остается предположить, что память не подвела Василевского, и именно в ходе Совещания 24 мая 1941 г. содержание сверхсекретных оперативных планов было доведено до сведения исполнителей, т.е. командования приграничных военных округов (будущих фронтов).

Если это так, то тогда становится совершенно понятным и подбор участников Совещания (только те, кто разрабатывал последний вариант оперативного плана войны, и кому этот план предстояло выполнять) и строжайшая, непроницаемая завеса секретности, которая окружала (и окружает по сей день) все, что связано с тайной Совещания 24 мая. Если наше предположение верно, и на Совещании 24 мая 1941 г. утвержденный Сталиным план войны против Германии был доведен до сведения будущих командующих фронтов, то "диапазон возможных дат" начала операции сужается практически

до двух месяцев: **от середины июля до конца августа 1941 г.**

Кратко поясним этот, достаточно очевидный, вывод. Если бы в мае 41-го вторжение в Европу планировали начать в 1942 (и уж тем более - в 1943) году, то 24 мая 1941 г. сверхсекретные оперативные планы не стали бы передавать командованию военных округов. Слишком рано. Опасно - резко увеличивается возможность утечки информации. Да и бессмысленно - до лета 1942 г. военно-политическая ситуация могла многократно измениться. И сам факт проведения Совещания 24 мая, и явно обозначившаяся с середины апреля политика показного "миролюбия" в отношениях с Германией, и официальное принятие Сталиным должности главы правительства СССР, и - самое главное - начавшаяся с конца мая скрытая мобилизация и крупномасштабная передислокация войск, позволяют предположить, что план Сталина № 3 предполагал начать вторжение в Европу уже летом 1941 года.

Указать точную конкретную дату начала стратегического сосредоточения войск Красной Армии не представляется возможным. Красивая метафора, предложенная В.Суворовым ("лев в саванне сначала долго и бесшумно подползает к своей жертве и только в последний момент, с оглушительным рычанием, бросается на нее в открытом прыжке") как нельзя лучше описывает ситуацию мая-июня 1941 г. Стратегическое развертывание Красной Армии происходило в обстановке небывалой секретности, с нарушением многих "общепринятых" правил. *"Общий объем перевозок войсковых соединений составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянутасть выдвигения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки*

и сохранением режима работы железных дорог по мирному времени" - пишут авторы коллективного труда "1941 год - уроки и выводы" (составлен большой группой военных историков СССР в 1992 г.)

Фраза о "растянутости выдвижения войск", да еще и с **"сохранением режима работы железных дорог по мирному времени"** заслуживает особого внимания. Для многомиллионных армий первой половины 20-го века железные дороги, поезда и паровозы стали важнейшим "родом войск", во многом определявшим исход главных сражений двух мировых войн. Соответственно, все страны имели разработанные еще в мирное время планы перевода железнодорожного движения на режим "максимальных военных перевозок". Так, на этапе стратегического развертывания вермахта для вторжения в СССР железные дороги перешли на график максимальных военных перевозок с 23 мая. Режим военных перевозок в европейской части СССР вводился (12 сентября 1939 г.) даже на этапе стратегического развертывания Красной Армии перед войной с полуразрушенной вторжением вермахта Польшей.^[29] Однако в июне 1941-го года ничего подобного сделано не было!

По расчетам, содержащимся в предвоенных планах советского командования, для осуществления перевозок по планам стратегического развертывания войск Красной Армии требовалось от 8 дней (для Северного фронта, т.е. Ленинградского ВО) до 30 дней (для Юго-Западного фронта, т.е. Киевского ОВО). Фактически же, в условиях сохранения режима работы железных дорог мирного времени, перегруппировка войск не форсировалась, а фактически затягивалось. Затягивалось со вполне понятной, откровенно названной в 1992 г. группой

советских историков целью - обеспечить максимально возможные "меры маскировки". Говоря еще проще - не вспугнуть "дичь" раньше времени.

Первыми начали выдвижения находящиеся в Забайкалье и в Монголии соединения 16-й Армии и 5-го мехкорпуса. 22 мая 1941 г. началась погрузка первых частей в эшелоны, которые с учетом огромного расстояния и сохраняющегося графика работы железных дорог мирного времени должны были прибыть на Украину, в район Бердичев - Проскуров - Шепетовка в период с 17 июня **по 10 июля**. С 13 по 22 мая поступили распоряжения Генштаба о начале выдвижения к западной границе еще двух армий резерва Главного командования. 22-я армия выдвигалась в район Великие Луки - Витебск со сроком окончания сосредоточения **1-3 июля**, 21-я армия сосредоточивалась в район Чернигов - Гомель - Конотоп **ко 2 июля**. 29 мая принято решение о формировании 19-й Армии и развертывании ее в районе Черкассы - Велая Церковь **к 7 июля**. Не ранее 13 июня принято решение о формировании на базе соединений Орловского и Московского ВО еще одной, 20-й Армия, которая должна была сосредоточиться у Смоленска **к 3-5 июля**.

"Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля 1941 г." Уже за одну эту фразу авторов коллективной монографии "1941 год - уроки и выводы" следовало бы наградить медалью "За отвагу". Фактически, эта фраза означает, что при разработке "оперативных планов", в частности - при составлении графика развертывания, немецкое вторжение не предполагалось. Хронология тут очень

простая. Войска, завершившие сосредоточение к 10 июля, закончат оперативное развертывание и изготовятся к бою не раньше 15-20 июля. В целях проведения стратегической **ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ** операции это уже **безнадежно поздно** (что и было беспощадно подтверждено на полях сражений лета 1941 г.).

Наивно было бы ожидать, что Гитлер - если он решится напасть на СССР в 1941 году - станет тянуть с началом вторжения до второй половины июля. Как известно ныне, по первоначальному плану германского командования вторжение должно было начаться 15 мая, после окончательного просыхания грунтовых дорог европейской части СССР от весенней распутицы. Балканская кампания "смешала карты" Гитлера и привела к отсрочке нападения на СССР на целых пять недель (не секрет, что по мнению многих военных специалистов - и не только из числа "битых гитлеровских генералов" - эта задержка фатальным образом отразилась на итогах кампании). Начать же наступление во второй половине июля было бы полным безумием - даже при отсутствии всякого сопротивления со стороны Красной Армии немецкой пехоте (а это четыре пятых армии вторжения) предстояло брести к установленной в "плане Барбаросса" линии Архангельск-Астрахань по пояс в снегу...

"Завершение сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами" в первой декаде июля означает готовность к началу стратегической **НАСТУПАТЕЛЬНОЙ** операции **с 15-20 июля. Это "нижняя граница" даты начала вторжения** в Европу по сталинскому "плану № 3". Верхнюю границу также не сложно определить, исходя из оценки

природно-климатических условий восточно-европейского ТВД.

Главный удар, как было уже отмечено выше, предстояло нанести в направлении Львов - Краков, с дальнейшим развитием наступления на Катовице. Плановая продолжительность решения "первой стратегической задачи" составляла 25-30 дней. Но не все на войне идет по плану, к тому же за успешным решением "первой задачи" должна была последовать следующая. С другой стороны, в южной Польше, в Румынии, Словакии и Венгрии тоже бывает осень и даже зима - сырая, слякотная, с дождями, туманами и мокрым снегом. Для действий авиации и моторизованных войск это значительно хуже "нормальной" русской зимы с крепкими морозами, которые превращают все дорожные направления в "дорогу с твердым покрытием" и сковывают озера и реки ледяным "мостом". Таким образом, **конец августа - начало сентября может считаться предельным сроком**, после которого начинать крупномасштабное наступление в южной Польше и на Балканах было бы слишком рискованно.

Стоит сравнить хронологию стратегического развертывания Красной Армии с тем, как шла подготовка к вторжению по другую сторону будущего фронта. В декабре 1940г. Гитлер сообщил своим генералам: *"Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции"*. Это обещание ("восемь недель") Гитлер выполнил - день начала операции (22 июня 1941 г.) был окончательно установлен и доведен до сведения верховного командования вермахта 30 апреля, т.е. за 52 дня до начала операции. Отсчитав те же восемь недель

от даты Совещания 24 мая мы попадаем в 19 июля - вполне реалистичный срок завершения всех мероприятий по стратегическому развертыванию Красной Армии.

В качестве предполагаемого срока начала войны называли июль-август 1941 г. и многие из захваченных в плен командиров Красной Армии. Разумеется, круг лиц, допущенных к военной тайне такой важности, как точная дата внезапного нападения, был крайне ограничен, поэтому приведенные ниже показания могут служить лишь отражением общих настроений, "общего духа", который витал в Красной Армии летом 41-го года.

Так, военврач Котляревский, призванный 30 мая 1941 г. на 45-дневные "учебные сборы" в медсанбат 147-й стрелковой дивизии, сообщил, что *"7 июня медицинскому персоналу доверительно сообщили, что по истечении 45 дней увольнения не последует, так как в ближайшее время будет война с Германией"*.

Капитан Краско, адъютант командира 661-го полка 200-й стрелковой дивизии показал: *"Еще в мае 1941 г. среди офицеров высказывалось мнение о том, что война начнется после 1 июля"*.

По словам майора Коскова, командира 25-го полка 44-й стрелковой дивизии, *"судя по масштабу и интенсивности подготовки к войне, русские напали бы на Германию максимум через 2-3 недели"* (после 22 июня - М.С.).

Полковник Гаевский, командир полка 29-й танковой дивизии (в документах 29 тд нет упоминаний о полковнике с такой фамилией - М.С.) показал: *"Среди командиров много говорили о войне между Германией и*

Россией. Существовало мнение, что война начнется примерно 15 июля".

Майор Соловьев, начштаба 445-го полка 140 стрелковой дивизии: *"В принципе конфликта с Германией ожидали после уборки урожая, примерно в конце августа - начале сентября. Поспешную передислокацию войск к западной границе можно объяснить тем, что срок нападения перенесли назад".*

Подполковник Ляпин, начальник оперативного отделения штаба 1-й мотострелковой дивизии, показал, что *"советское нападение ожидалось осенью 1941 г."*

Генерал-майор Малышкин (перед войной - старший преподаватель, затем начальник курса в Академии Генерального штаба; начальник штаба 19-й Армии Западного фронта, пленен 11 октября в Вяземском "котле"; один из главных сподвижников Власова, повешен 1 августа 1946 г.) заявил, что *"Россия напала бы в середине августа, используя около 350-360 дивизий"*.^[30]

Показания, данные во вражеском плену, да еще и лицами, активно сотрудничавшими с оккупантами, вызывают понятные сомнения. Однако, злополучный месяц август, как вероятный срок начала войны, всплывает в самых неожиданных документах.

В январе 1941 г. Генеральный штаб провел с высшим командным составом Красной Армии две стратегические военные игры. Руководил подготовкой и проведением игр лично нарком обороны маршал Тимошенко, об их результатах было доложено Сталину. Странно, но ход игр был привязан не к абстрактным числам ("первый день операции", "пятый день операции"...), а к неким августовским (!!!) датам.

В начале июня 1941 г. советскую военную базу на "арендованном" финляндском полуострове Ханко посетил с инспекцией командующий Ленинградского ВО генерал-лейтенант М.М. Попов. 15 июня М.М. Попов подписал доклад, направленный в наркомат обороны СССР, в котором выразил обеспокоенность недостаточной, по его мнению, обороноспособностью базы в Ханко и высказал целый ряд конкретных предложений по ее укреплению. Заканчивался же доклад следующей фразой: *"Все эти мероприятия **необходимо провести не позднее 1 августа 1941 г.** (подчеркнуто мной - М.С.)"*^[31]

17 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение *"призвать в армию 3700 политработников запаса для укомплектования среднего политсостава. Призыв произвести **с 1 июля по 1 августа 1941 г.**"*^[32]

18 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает следующее решение: *"выдать наркомату обороны в июне из госрезервов 750 тыс. штук автомобильных шин с возвратом в УГМР [Управление государственных мобилизационных резервов] в сентябре. Разрешить Наркомрезинпрому прекратить с 18 июня отгрузку а/м шин всем потребителям, за исключением наркоматов и ведомств, указанных в Приложении 1, с переносом недогрузов на 4-й квартал"*^[33]

В этом документе нет слова "август" - но есть четкое понимание того, что в июне-июле у наркомата обороны возникнет экстренная, "пиковая" потребность в авторезине. Эту потребность решено покрыть с использованием чрезвычайных мер, а образовавшуюся в запасах и снабжении гражданских ведомств "брешь" постепенно восполнить, начиная с сентября-октября.

Можно с большой долей уверенности предположить, что экстренная потребность в авторезине была связана с запланированной на июль-август открытой мобилизацией, в рамках которой из народного хозяйства в Красную Армию предстояло передать порядка 240 тыс. автомобилей.

В архиве Коминтерна хранится интереснейшая коллекция документов - отчеты о проделанной работе (в большинстве случаев - подрывной) финских коммунистов, перешедших в сентябре 1941 г. линию фронта. Среди прочих лежит и доклад товарища Рейно В. Косунена "О работе парторганизаций в Хельсинки и Куопио". Заканчивается отчет следующим самокритичным замечанием:

"Мы, члены партии, не были на уровне международных событий в то время, когда началась новая война. За две недели до начала войны между Германией - Советским Союзом и Финляндией (так в тексте - М.С.) я получил от руководства партии доклад об оценке положения, т.к. я должен был выехать в партийную командировку в Коркила.

Доклад содержал следующее:

1. Война продолжается и распространяется. Это не молниеносная война.

*2. В положении Финляндии **не ожидается изменений до осени** (подчеркнуто мной - М.С.), таким образом война пока не ожидается.*

Мы, значит, не готовились к войне раньше, чем осенью". [34]

Способность к самокритике украшает человека - но в данном случае товарищ Косунен несправедлив к себе и

неназванным "членам партии". Партия эта управлялась не из Хельсинки, а из Москвы. Никаких других "оценок положения", кроме тех, что поступали от московского руководства, финские товарищи выработать не могли (да и не имели права). И если финские коммунисты готовились к войне, которая начнется "не раньше осени", то эту мысль им подсказали не случайно. Не случайно и то, что дата предполагаемого начала войны названа с некоторым запаздыванием - продуманная дезинформация рядовых исполнителей является важным и общепринятым приемом сокрытия подлинной информации...

Строго говоря, на этом краткий обзор трех планов Сталина можно считать завершенным. Подробная детализация и уточнение важных деталей станут возможными лишь с расширением источниковой базы. С другой стороны, самое важное доподлинно известно уже сейчас - ни один из этих планов так и не был реализован.

В июне 1941 г. фактически еще только-только начинавшееся стратегическое развертывание Вооруженных Сил СССР было прервано гитлеровским вторжением. Не завершившие от мобилизации войска, разбросанные на огромных пространствах, не успевшие построить ни запланированные наступательные, ни импровизированные оборонительные группировки, подверглись сокрушительному удару вермахта и фактически были разгромлены по частям. И лишь огромные размеры этих "частей", колоссальные людские ресурсы (во втором полугодии 1941 г. в Красную Армию было призвано 11.790 тыс. человек), циклопические горы оружия, накопленного в предвоенные годы, мощная, географически недоступная для немецкой авиации

оборонная промышленность, позволили избежать полного поражения.

Есть, однако, еще один вопрос, еще одна историческая проблема, безо всякого преувеличения заслуживающая названия "тайна июня 41-го". Проблема заключается в том, что в последние мирные дни (ориентировочно с 13 по 22 июня 1941 г.) высшее военно-политическое руководство СССР **совершало действия (или не менее удивительные бездействия), абсолютно неадекватные сложившейся обстановке.** Или мы имеем дело с проявлением безумия, приступом временной невменяемости товарища Сталина (что, к слову говоря, вполне допустимо - история переполнена примерами безумных поступков сильных мира сего), или в те дни вступил в действие некий, пока еще никем толком не дешифрованный, "план Сталина № 4".

В чем конкретно состояли эти "неадекватные действия и бездействия"? В отсутствии реакции на действия противника.

Для Гитлера моментом перехода от стадии скрытного "подкрадывания" к последнему решительному рывку наступил **6 - 10 июня 1941 г.** В эти дни началась погрузка в идущие на Восток железнодорожные эшелоны танковых и моторизованных дивизий вермахта (до этого момента у западных границ СССР накапливалась пехота, постепенно нарастающая концентрация которой не давала еще оснований для однозначных выводов о целях немецкого командования). 14-20 июня механизированные соединения прибывали на станции выгрузки в 100-150 км от границы и походными колоннами двигались в исходные для наступления районы.

Танковая дивизия вермахта - это в среднем 200 танков и более 2,5 тыс. колесных и гусеничных машин, транспортеров, тягачей и броневиков. Походная колонна танковой дивизии - это грохочущая, поднимающая пыль до неба "стальная лента" протяженностью в несколько десятков километров. Да и не одна дивизия шла к советским границам. Так, на узкой (примерно 35*35 км) полоске "Сувалкского выступа" (на стыке границ Восточной Пруссии, Литвы и Велоруссии) во второй декаде июня сгрудились четыре танковые (20-я, 7-я, 12-я, 19-я) и три моторизованные (14-я, 20-я, 18-я) дивизии вермахта. И это в дополнение к девяти пехотным (26, 6, 35, 5, 161, 28, 8, 256, 162).

В те же самые дни происходило широкомасштабное перебазирование авиагрупп люфтваффе на приграничные аэродромы. Так, две самые крупные истребительные эскадры (авиадивизии) 2-го Воздушного флота (JG 53 и JG 51) перелетели на аэродромы оккупированной Польши, соответственно, 12-14 и 13-15 июня 1941 г. На аэродромном узлу Сувалки (и близлежащих полевых аэродромах) базировались четыре группы (полка) пикирующих "Юнкерсов", пять истребительных авиагрупп и две штурмовые (ZG) группы, оснащенные двухмоторными Me-110. Не заметить такую концентрации сил противника в полосе 30-50 км от границы советская разведка не могла. Еще труднее было ошибиться в оценке задачи, которую поставило немецкое командование перед войсками, сосредотачиваемыми на узких пятачках, вдающихся в советскую территорию на стыке военных округов/фронтов.

По здравой логике, по основополагающим азам военной науки и в соответствии с многолетним практическим опытом в подобной ситуации

военно-политическое руководство СССР должно было незамедлительно принять два взаимосвязанных решения: 1. начать полномасштабную мобилизацию (т.е. призвать плановое количество резервистов, изъять из народного хозяйства и передать в распоряжение армии сотни тысяч автомашин и десятки тысяч тракторов, разбронировать мобилизационные запасы военного имущества) и 2. начать операцию прикрытия мобилизации сосредоточения и развертывания. Именно эти два решения и представляют собой конкретное практическое содержание того, что на быденном языке называется "привести войска в состояние полной боевой готовности".

Однако, ни того, ни другого сделано не было.

Советский Союз, эта предельно милитаризированная тоталитарная империя, которая на протяжении многих лет готовилась к Большой Войне с немыслимым для ее соседей размахом, оказалась **единственным** из числа участников Второй Мировой войны (имея в виду крупные европейские государства, а не латиноамериканские банановые республики), который не провел полномасштабную мобилизацию Вооруженных Сил до начала боевых действий. Волее того - открытая мобилизация в СССР была начата даже не в день начала войны, а на второй день - 23 июня 1941 г. Это абсолютно невозможная, невероятная ситуация. Такого не было нигде: Германия и Польша, Франция и Финляндия, Румыния, Италия и Бельгия - все эти страны начали мобилизацию за несколько дней, или даже за несколько недель до начала войны. Единственным исключением из правил оказался Советский Союз.

Мобилизационные мероприятия первого дня мобилизации были расписаны по часам. Каждый час задержки дарил противнику дополнительные преимущества. И тем не менее, Указа Президиума Верховного Совета СССР гласил:

"На основании статьи 49 пункта "Л" Конституции СССР Президиум Верховного Совета объявляет мобилизацию на территории военных округов - Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года".

Это - полный текст Указа. От начала и до конца. Объявление мобилизации с 23 июня есть действие настолько невероятное, что авторы многих исторических книг, без долгих рассуждений, датой начала мобилизации называют "естественное и понятное всем" 22 июня...

Примечательная деталь - маршал Жуков, отчетливо понимающий всю абсурдность ситуации НЕобъявления мобилизации в день начала войны, начинает выдумывать (и это выражаясь предельно вежливо) в своих мемуарах такую историю:

"... С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и просил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о

проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов. И. В. Сталин ответил, что он занят на заседании Политбюро и может принять его только в 9 часов (странно, что ранним утром 22 июня могло быть более важным для пресловутого "Политбюро", нежели доклад руководства Вооруженных Сил? - М.С.) ... Короткий путь от наркомата до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости. Нас встретил А. Н. Поскребышев и сразу проводил в кабинет И. В. Сталина...^[35]

Сколько времени могла занять эта поездка "на предельно большой скорости" от одного здания в центре Москвы до другого? Если бы свидетельство Жукова было правдой, то Поскребышев открыл бы перед Тимошенко и Жуковым дверь в кабинет Хозяина примерно в 9 часов 20 минут. Больше 20 минут и не надо для того, чтобы доехать от дома к дому, предъявить документы охранникам и подняться бегом по лестнице. Увы, "Журнал посещений" молча, но твердо уличает Жукова во лжи: в кабинет Сталина и он, и маршал Тимошенко вошли в 14-00. В два часа пополудни. Машины "мчалась" пять часов... Фактически, совещание военных в кабинете Сталина началось в 14-00, и в 16-00 Тимошенко, Жуков, Кулик, Ватутин и Шапошников вышли из кабинета Сталина. Телеграмма об объявлении мобилизации была подписана наркомом обороны и сдана на Центральный телеграф Министерства связи в 16 ч 40 мин. 22 июня 1941 г.

"Мобилизация - это война". Комплекс мобилизационных мероприятий настолько велик, что скрыть от противника начавшуюся мобилизацию не удастся (в случае же объявления Указа Президиума ВС, о

"скрытности" мобилизации и говорить-то не приходится). Объявление (или фактическое начало) мобилизации может подтолкнуть противника к началу военных действий. Такая угроза вполне реальна. Именно по этой причине во всех без исключения планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР равно, как и в планах оперативного развертывания войск военных округов, было предусмотрено проведение на начальном этапе операции по прикрытию мобилизации и сосредоточения.

В период с 5 по 14 мая 1941 г. в округа была направлена Директива наркома обороны на разработку полноценных планов прикрытия, и эта работа была завершена в конце мая - начале июня 1941 г. Планы прикрытия существовали, они были детализированы до уровня армий, корпусов и дивизий и хранились в штабах в знаменитых "красных пакетах". Дело оставалось за малым - планы прикрытия надо было достать из сейфа и ввести в действие.

И вот тут-то возникает большая проблема. В отличие от часового на посту (который не только имеет право, но и обязан принять решение на применение оружия самостоятельно, не дожидаясь никаких руководящих указаний сверху) ни один командир не имел права начать проведение операции прикрытия без прямого приказа вышестоящего начальника. На "вершине пирамиды", на уровне командования военных округов/фронтов планы прикрытия заканчивались следующей фразой: *"План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за подписью наркома обороны СССР, члена Главного Военного совета и начальника Генерального штаба*

следующего содержания: "Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года".

Но эти четыре слова **так и не были произнесены**. Вместо короткой, заранее оговоренной фразы ("ввести в действие план прикрытия") поздним вечером 21 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков (а по сути дела - Сталин) отправили в округа целое сочинение, вошедшее в историю под названием "Директива №1". Вот ее полный текст:

"1. В течение 22 - 23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск - не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточение и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить".

Обсуждение и анализ смысла этого текста продолжается уже более полувека. Одни утверждают, что главное в Директиве - требование "не поддаваться на провокации". Другие резонно возражают, указывая на фразу "встретить возможный удар немцев". Третьи справедливо указывают на явную двусмысленность Директивы: как можно "встретить удар немцев", не проводя при этом "никаких других мероприятий", кроме рассредоточения и маскировки? Как можно привести в "полную боевую готовность" неотмобилизованные, не укомплектованные по штатам военного времени, войска? Как в условиях жесточайшего дефицита времени командующие округов должны различить "провокационные действия" от "внезапного удара немцев"?

Вплоть до самых последних минут мирного времени Москва так и не отдала прямой и ясный приказ о введении в действие плана прикрытия. В показаниях командующего Западного фронта Д.Г. Павлова (протокол первого допроса от 7 июля 1941 г.) события ночи 22 июня описаны следующим образом:

"...В час ночи 22 июня с. г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первым вопросом по

телефону народный комиссар задал: "Ну, как у вас, спокойно?" Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланг: по донесению командующего 3-й армией Кузнецова в течение полутора суток в Сувалский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов - Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения.

На мой доклад народный комиссар ответил: "Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации - позвоните". На этом разговор закончился..."

Итак, в дополнение к сотням других донесений, которые поступали в Генеральный штаб Красной Армии, командующий войсками приграничного округа сообщает, что противник снял проволоку заграждений, и к границе непрерывно идут колонны танков и мотопехоты. Связь между Минском и Москвой есть, и она устойчиво работает. Приказ наркома - не паниковать. При этом Тимошенко высказывает предположение о том, что утром 22 июня "может случиться что-то неприятное". Неужели такими словами маршал и нарком обороны обозначил возможное нападение 3-миллионной немецкой армии?

"...В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил - что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны..." Еще раз отметим, что связь устойчиво работает, командующие в Москве, Минске, Гродно, Белостоке и Кобрине не спят, по другую

сторону границы приказ о наступлении уже более 12 часов назад доведен до сведения трех миллионов солдат и офицеров вермахта (что должна была бы зафиксировать и советская военная разведка). Но нарком обороны упорно не желает произнести четыре заветные слова: "Ввести в действие план прикрытия". Впрочем, в 3 часа утра 22 июня такой приказ уже мало что мог бы изменить...

Существуют два описания реакции товарища Сталина на сообщение о немецком вторжении. Оба они принадлежат одному человеку - маршалу Жукову. На протяжении многих лет хрестоматийно-известным был следующий текст:

"...Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия.

И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... — ответил С. К. Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал И. В. Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом.

— Надо срочно позвонить в германское посольство, — обратился он к В. М. Молотову.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В. М. Молотову..."

Как только в начале 90-х годов приоткрыли свои тайны некоторые архивные фонды, стали очевидны многочисленные "ошибки" в этом отрывке из "Воспоминаний и размышлений" Жукова. Совещание в кабинете Сталина началось не 4-30, а в 5-45. К этому моменту посол Шуленбург уже передал Молотову официальное заявление германского правительства с объявлением войны, соответственно, "срочно звонить в германское посольство" было уже не за чем.

В кабинете Сталина (не считая военных) собралось не всё Политбюро, а ровно два его члена: Молотов и Берия. Был там, правда, еще один человек, которого

Жуков не упомянул, и которому, судя по его формальному статусу, на совещании такого уровня и с такой повесткой присутствовать не полагалось: нарком Госконтроля товарищ Мехлис. Причем - что еще более удивительно - за последние 12 часов Мехлис оказался в кабинете Сталина дважды - вечером 21 июня он присутствовал (участвовал?) в обсуждении "Директивы №1" и вышел из кабинета вместе со всеми военными (Тимошенко, Жуковым, Буденным) в 22-20.

Есть и вторая версия. За много лет до написания мемуаров, 19 мая 1956 г. Г.К.Жуков составил и передал для утверждения Н.С.Хрущеву проект своего доклада на Пленуме ЦК КПСС. Пленум, на котором предполагалось дать жесткую оценку "культу личности", так и не состоялся, и текст непроизнесенной речи Жукова пролежал в архивном заточении без малого полвека. Описание событий утра 22 июня 1941 г. во многом совпадает с мемуарным, но есть там и несколько важных отличий:

*"...Мы с тов. С. К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: **"Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий"** (подчеркнуто мной - М.С.). Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть Вам и Тимошенко".*

Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на

нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня... "[36]

Эта версия значительно точнее - и по хронологии, и по названным участникам совещания (член Главного Военного совета Г.Маленков был утром 22 июня в кабинете Сталина, правда, появился он там лишь в 7-30). Следует отметить и то важное обстоятельство, что свой доклад на Пленуме товарищу Жукову предстояло произнести **в присутствии живого свидетеля** событий - весной 1956 г. Молотов был еще членом ЦК. Это дополнительная причина поверить в большее правдоподобие данной версии, в соответствии с которой Сталин не просто расценил произошедшее, как "*провокацию немецких военных*", но и прямо запретил ответные действия!

Почти точно указан и момент времени, в который войскам разрешили отвечать огнем на огонь. Директива № 2 была отправлена в западные округа в 7-15. Составлена она была в следующих выражениях:

"22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100-150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать".

Ни по форме, ни по содержанию Директива №2 абсолютно не соответствует уставным нормам составления боевых приказов. Есть стандарт, и он должен выполняться. Этот стандарт был установлен не чьими-то литературными вкусами, а ст. 90 Полевого Устава ПУ-39 (*"Первым пунктом приказа дается сжатая характеристика действий и общей группировки противника.... Вторым пунктом указываются задачи соседей и границы с ними. Третьим пунктом дается формулировка задачи соединения и решение командира, отдающего приказ... В последующих пунктах ставятся частные задачи (ближайшие и последующие) подчиненным соединениям..."*)

С позиции этих уставных требований Директива №2 есть не более, чем эмоциональный (если не сказать - истерический) выкрик. Обрушиться и уничтожить - это не боевой приказ. Где противник? Каковы его силы? Какими силами, в какой группировке надо "обрушиться"? На каких направлениях? На каких рубежах? С какой стати

главной задачей ВВС стало "разбомбить Кенигсберг и Мемель (Клайпеду)? И с каких это пор в боевом приказе обсуждается "неслыханная наглость противника"?

Совершенно не уместная в секретном боевом приказе эмоциональная взвинченность Директивы №2 выглядит особенно странно на фоне отстраненно-холодного стиля и слога Указа Президиума ВС с объявлением мобилизации. В тексте судьбоносного Указа (а он и на самом деле определил судьбы миллионов людей) нет даже малейших упоминаний об уже состоявшемся вторжении немецких войск, о вероломном нападении врага, о священном долге защитников Родины...

Странные и загадочные события последних предвоенных дней не могли не привлечь к себе внимание историков и журналистов. На эту тему написаны уже сотни статей и книг. Первой по хронологическому порядку была выдвинута потрясающая по своей абсурдности версия о том, что товарищ Сталин был не доверчивый, а супер доверчивый. Наивный и глупый. Воспитанница института благородных девиц, краснеющая при виде голых лошадей на улице, могла бы считаться "гением злодейства" по сравнению с этим простодушным дурачком. Оказывается, Сталин любовно разглядывал подпись Риббентропа под Пактом о ненападении вместо того, чтобы привести войска в "состояние полной готовности"...

Затем эту версию несколько видоизменили и "усовершенствовали". Нет, Риббентропу наш тиран не поверил, он просто растерялся и впал в прострацию. Для пущей важности был вызван израильский профессор Г.Городецкий (он, к слову говоря, не репатриант из

бывшего СССР, а урожденный израильтянин), который в книге с восхитительным названием: "Роковой самообман. Сталин и нападение Германии", без тени иронии написал такое:

"... Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением... Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован..."

Не многим уступали "иностранному консультанту" и местные кадры. Один товарищ написал дословно следующее: *"Ожидая в случае войны скорого поражения, а для себя лично - гибели, Сталин, вероятно, счел сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготавиться к бою вовремя... В первые дни войны, он выпустил из рук руководство, совершенно не принимая участия ни в каких делах..."*

Эта потрясающая по силе "рокового самообмана" (хотя в данном случае, скорее всего, надо говорить не о самообмане авторов, а о целенаправленном обмане окружающих) версия не смогла пережить первой же встречи с тем массивом документов и фактов, который открылся в первой половине 90-х годов.

Сегодня уже не вызывает ни малейших сомнений то обстоятельство, что весной 41-го Сталин вовсе не был парализован, растерян и испуган до умопомрачения. Он не только не "гнал прочь любую мысль войне", а готовился к ней с предельным напряжением сил. Начиная со второй декады июня в обстановке глубочайшей секретности начали осуществляться мероприятия, которые невозможно интерпретировать иначе, как

подготовку к войне. К войне, которая должна начаться не в каком-то "обозримом будущем", а **в самые ближайшие дни и часы.**

Наиболее значимым фактом является создание фронтовых управлений и вывод их на полевые командные пункты. В мирное время фронты в составе Красной Армии никогда не создавались (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить как раз примером "исключения, подтверждающего правило" - граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). И, напротив, фронтовые управления создавались перед каждым "освободительным походом" (11 сентября 1939 г. - за шесть дней до вторжения в Польшу, 7 января 1940 г. - после того, как "триумфальный марш на Хельсинки" превратился в настоящую войну, 9 июня 1940 г. - за девятнадцать дней до оккупации Бессарабии и Северной Буковины). Формирование на базе войск округов действующих фронтов, вывод штабов фронтов из окружных центров (Риги, Минска, Киева, Одессы) на полевые командные пункты, начавшийся 19 июня 1941 г. - это непосредственная подготовка к близкой и неизбежной войне.

Не менее показательны и другие решения и действия советского командования, однозначно свидетельствующие о напряженной подготовке к боевым действиям, которые должны начаться в самые ближайшие дни. Вот, например, какие приказы и распоряжения отдавались командованием Прибалтийского Особого военного округа:

Приказ № 0052 от 15 июня 1941 г.

"...Установку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем укрепленной полосы готовить с таким расчетом, чтобы в течение трех часов минное поле было установлено... Проволочные заграждения начать устанавливать немедленно... **С первого часа боевых действий(здесь и далее подчеркнуто мной - М.С.)** организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность... Самолеты на аэродромах **рассредоточить и замаскировать в лесах, кустарниках**, не допуская построения в линию, но сохраняя при этом полную готовность к вылету. Парки танковых частей и артиллерии **рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать**, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который **полностью выполнить 25 июня с. г.**"^[37]

Приказ № 00229 от 18 июня 1941 г.

"... Начальнику зоны противовоздушной обороны **к исходу 19 июня 1941 г.** привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... **К 1 июля 1941 г.** закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района (ПВО)... **Не позднее утра 20.6.41 г.** на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы **к утру 20.6.41**

г. по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи...

*Определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов противотанковых мин, взрывчатых веществ и противопехотных заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах **к 21.6.41 г....***

*Создать на тельшяйском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Готовность отрядов **21.6.41 г....***

*План разрушения мостов утвердить военным советам армий. Срок выполнения **21.6.41 г...** Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения **21.6.41 г.** ^[38]*

В тот же день, 18 июня командир упомянутого выше 12-го мехкорпуса генерал-майор Шестопалова отдал приказ № 0033. Приказ увенчан наивысшим грифом секретности ("особой важности, совершенно секретно"), что для документов корпусного уровня является большой редкостью. Начинается приказ № 0033 такими словами: **"С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя"**. Дальше идет указание начать в 23-00 18 июня

выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в глухих лесах.^[39]

Строго говоря, ничего удивительного в этих и других, подобных им, документах нет. Разумеется, в последние мирные дни июня 41-го Сталин гнал не "мысли о войне", а в максимальном темпе завершал последние приготовления к началу войны. Удивительно лишь то, что это приходится доказывать как некое "сенсационное открытие". Невероятным и почти необъяснимым является другое: буквально за 1-2 дня до фактического начала войны в войсках западных приграничных округов начали происходить события, которые трудно охарактеризовать иначе, как **преднамеренное снижение боевой готовности!**

Факты подобного рода разбросаны главным образом по мемуарной литературе и поэтому могут вызвать определенное недоверие. И тем не менее, нельзя более игнорировать многочисленные свидетельства участников событий.

Есть многочисленные сообщения о случаях отмены ранее отданных приказов о повышении боевой готовности, о неожиданном объявлении выходных дней, об отзыве зенитной артиллерии приграничных частей на тыловые полигоны. Заслуживает внимания и "большой театральный вечер", состоявшийся 21 июня 1941 г. Известно, что командование Западного ОВО провело вечер 21 июня в минском Дома офицеров, на сцене которого шла комедия "Свадьба в Малиновке". Все, кто писал об этом, громко возмущались "близорукой беспечностью" командующего округа. Однако даже самый беглый просмотр мемориальной литературы позволяет убедиться в том, что вечером 21 июня в

"культпоход" отправился не один только генерал армии Павлов.

"...В субботу, 21 июня 1941 года, к нам, в авиагарнизон, из Минска прибыла бригада артистов во главе с известным белорусским композитором Любаном. Не так часто нас баловали своим вниманием деятели театрального искусства, поэтому Дом Красной Армии был переполнен..."

"...В субботу 21 июня сорок первого года в гарнизонном Доме Красной Армии, как и обычно, состоялся вечер. Приехал из округа красноармейский ансамбль песни и пляски. После концерта, по хлебосольной армейской традиции, мы с командиром корпуса генерал-лейтенантом Дмитрием Ивановичем Рябышевым пригласили участников ансамбля на ужин. Домой я вернулся лишь в третьем часу ночи..."

"...21 июня заместитель командира 98-го дальнебомбардировочного авиаполка по политчасти батальонный комиссар Василий Егорович Молодцов пригласил меня на аэродром Шаталово, где в местном Доме Красной Армии должен был состояться вечер художественной самодеятельности..."

"...Вечером 21 июня мы всей семьей были в театре. Вместе с нами в ложе находился начальник политотдела армии, тоже с семьей..."

"...У меня есть одно приятное предложение: в восемь часов на открытой сцене Дома Красной Армии состоится представление артистов Белорусского театра оперетты — давайте посмотрим... — С удовольствием, — согласился я. — Надеюсь, спектакль минской оперетты

будет не хуже, чем концерт артистов московской эстрады в Бресте, на который поехали Шлыков с Рожковым..."

Генерал армии С.П. Иванов (в первые дни войны - начальник оперативного отдела штаба 13-й Армии Западного фронта) в своих мемуарах дает очень интересное объяснение таким действиям советского командования:

*"...Сталин стремился самым состоянием и поведением войск приграничных округов **дать понять Гитлеру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность** (странное, однако же, стремление для того, кто готовится к обороне - М.С.). Причем делалось это, что называется, в самом натуральном виде. Например, зенитные части находились на сборах... В итоге мы, вместо того чтобы умелыми дезинформационными действиями ввести агрессора в заблуждение относительно боевой готовности наших войск, реально снизили ее до крайне низкой степени..."*

Загадочные события последних предвоенных дней можно, на мой взгляд, объяснить, связать в некую логическую цепочку в рамках следующей версии. Сразу же оговорюсь - прямых документальных подтверждений этой версии у меня нет (да и трудно поверить в то, что они когда-либо будут найдены). Тем не менее, гипотеза эта заслуживает обсуждения хотя бы уже потому, что позволяет рационально объяснить многие из перечисленных выше, внешне противоречивых и невероятных, фактов.

Итак, предположим, что слово "провокация", которое на все лады повторяется и в мемуарах Жукова, и в приказах Сталина, **появилось совсем не случайно**. И нарком обороны Тимошенко совсем не случайно

предупреждал командующего Западного фронта Д.Павлова о том, что *"сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите"*. Сталин, Тимошенко, Жуков **абсолютно точно знали, что в воскресенье 22 июня 1941 г. "нападение может начаться с провокационных действий"**. Знали потому, что они сами это нападение и эту провокацию подготовили.

Секретных планов Гитлера на столе у Сталина никогда не было, но фактическая передислокация немецких войск отслеживалась советской агентурной, авиационной и радиоразведкой достаточно подробно. На основе этой информации строились вполне реалистичные оценки вероятных планов противника. В июне 1941 г. советская разведка зафиксировала начавшееся оперативное развертывание ударных группировок вермахта у границ СССР. Из этого факта были сделаны правильные выводы - Гитлер готовит вторжение, которое произойдет летом 1941 года, в самые ближайшие недели или даже дни. Роковая ошибка была допущена лишь в определении времени, которое потребуется немецкому командованию для завершения сосредоточения войск, и, соответственно, в установлении даты возможного начала вторжения.

Менять общий стратегический замысел начальных операций войны Сталин не стал. Он так долго, так настойчиво, так тщательно готовил свой "блицкриг", что ему очень не хотелось ломать план войны, которая должна была начаться сокрушительным внезапным ударом по противнику. Сталин, действительно, "гнал от себя всякую мысль" - но не мысль о войне (ни о чем другом он уже и не думал), а о том, что Гитлер в самый последний момент сумеет опередить его. Поэтому после

долгих и, можно предположить, мучительных раздумий, после многократных совещаний с военным руководством (в июне 41-го Жуков и Тимошенко были в кабинете Сталина семь раз -: 3, 6, 7, 9, 11, 18, 21 числа -причем в иные дни военные приходили к Сталину дважды и обсуждение затягивалось начетыре часа) решено было еще раз изменить срок начала операции в сторону приближения.

Вероятно, предполагалось начать наступление Красной Армии в последних числах июНЯ 1941 г. В рамках этого плана (условно назовем его "план № 4") днем начала открытой мобилизации был установлен понедельник, 23 июня 1941 г.

Решение о начале открытой всеобщей мобилизации в понедельник было вполне логичным. В Советском Союзе центром жизни было рабочее место. Завод. Именно там концентрировались "призывные контингенты", именно там утром 23 июня 1941 г. должны были состояться "стихийные митинги" трудящихся, на которых будет объявлен заранее подготовленный Указ Президиума ВС СССР об объявлении мобилизации. Именно потому, что текст Указа готовился заранее, в нем и не было ни малейших упоминаний о гитлеровском вторжении и фактически начавшейся войне.

Но товарищ Сталин был мудр, и он понимал, что одного только Указа Президиума будет мало. Особенно после того, как на протяжении двух лет сталинская пропаганда объясняла трудящимся, что призывать к *"войне за уничтожение гитлеризма, прикрываемой фальшивым флагом борьбы за демократию"* (речь В.Молотова на Сессии Верховного Совета СССР от 31 октября 1939 г.) могут только враги народа, подлые

наймиты англо-американских поджигателей войны. Разумеется, Сталин ни на секунду не усомнился в покорности воспитанного им народа, но одной покорности для такого дела, которое он замыслил, было недостаточно. Нужна была "ярость благородная", сжигающая сердца. Проще говоря, нужно было организовать и провести крупномасштабную кровавую провокацию.

В качестве конкретного содержания такой провокации была избрана инсценировка бомбового удара немецкой авиации по советскому городу (городам). Предшествующий дню начала мобилизации воскресный день 22 июня 1941 г. как нельзя лучше подходил для осуществления задуманного. Для получения максимально-возможного числа жертв среди мирного населения бомбардировка днем в воскресенье была оптимальным вариантом: теплый солнечный выходной день, люди отоспались после тяжелой трудовой недели и вышли на улицы, в сады и скверы, погулять с детьми... Технические возможности для инсценировки были: еще в 40-м году в Германии были закуплены два бомбардировщика "Дорнье"-215, два "Юнкерса"-88 и пять многоцелевых Me-110, не говоря уже о том, что на высоте в 5-6 км никто, кроме специалистов высшей квалификации, и не распознал бы силуэты самолетов.

У товарища Сталина были твердые представления о том, в каких именно формах должна проявляться "неизменно миролюбивая внешняя политика" Советского Союза. Эти представления он с неумолимой настойчивостью "терминатора" проводил в жизнь. Все должно было быть "правильно". Советский Союз не мог напасть на Финляндию. Красная Армия должна была пресечь провокации белофинской военщины, которая

предательски обстреляла советскую территорию в районе поселка Майнила. В июне 41-го предстояло начать войну неизмеримо большего масштаба, соответственно, и очередная "предвоенная провокация" должна была быть гораздо более заметной и кровопролитной.

Чрезвычайно важно отметить, что первая часть, первый шаг Большой Инсценировки **состоялся в реальности. Это не гипотеза. Это факт.** 13 июня 1941 г. было составлено и 14 июня опубликовано знаменитое Сообщение ТАСС. Да-да, то самое :

".....ТАСС заявляет, что, по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными..."

За этим, первым этапом должен был неизбежно последовать второй: инсценировка бомбардировки немецкими самолетами советских городов. В ответ на миролюбивейшее заявление ТАСС - бомбы в солнечный воскресный день. Вероломное и подлое убийство мирных советских граждан. Трупы убитых женщин и детей на свежей зелени парков и скверов. Белоснежный голубь мира - с одной стороны, черные вороны - с другой. И вот только после всего этого - всеобщая мобилизация. "Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!"

Грубо? Излишне нарочито? Да, но именно такой "фасон и покрой" любил товарищ Сталин. Грубо, нелепо, неряшливо "сшитые" провокации. В ходе открытых "московских процессов" 36-го года обвиняемые признавались в тайных встречах с давно умершими людьми, каковые "встречи" якобы происходили в давно снесенных гостиницах. Главой "народного правительства демократической Финляндии" был объявлен секретарь Исполкома Коминтерна, член ЦК ВКП (б) "господин Куусинен", безвылазно живущий в Москве с 1918 года. *"Ювелирная точность бегемота"* (А.И. Солженицын). И ничего. Трудящиеся в ходе стихийных митингов горячо одобряли и всецело поддерживали...

Гипотеза о назначенной на 22 июня провокационной инсценировке не только соответствует общему стилю сталинских "освобождений", но и позволяет объяснить сразу несколько наиболее "необъяснимых" фактов кануна войны.

Прежде всего, становятся понятными те действия по демонстрации благодушия и беспечности, которые происходили 20-21 июня. Для большего пропагандистского эффекта провокации бомбы должны были обрушиться на советский город в мирной, внешне совершенно спокойной обстановке. В боевых частях - выходной день. Командование наслаждается высоким театральным искусством, рядовые бегают комсомольские кроссы и соревнуются в волейбольном мастерстве. Мы мирные люди, а наш бронепоезд ржавеет на запасном пути... Кроме пропагандистского эффекта, понижения боеготовности и бесконечные заклинания "не поддаваться на провокации" имели и вполне практический смысл: провокационная бомбардировка должна была успешно состояться, и ни одного ответного

выстрела по сопредельной территории не должно было прозвучать.

Становится понятным и неожиданное появление Мехлиса в сталинском кабинете вечером 21 и ранним утром 22 июня - начиная с 1924 года этот человек был рядом со Сталиным, выполняя роль особо доверенного порученца по тайным и грязным делам.

Наконец, становится психологически понятной реакция Сталина на сообщение о начале войны (а если быть совсем точным - на сообщение о начавшихся на рассвете 22 июня бомбовых ударах немецкой авиации). Сталин был потрясен, ошеломлен и едва не лишился дара речи - а как могло быть иначе? Поверить в такое невероятное совпадение было невозможно. Это же все равно, что во время дуэли попасть пулей в пулю противника! Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда...

Марк Твен как-то сказал: *"Правда удивительнее вымысла, потому что вымысел должен держаться в пределах вероятного, а правда — нет"*. Изложенная выше версия событий июня 41-го достаточно невероятна для того, чтобы в конечном итоге оказаться правдой.

Notes

1

1 "Красная звезда", 10 апреля 2001 г.

2

2 "Новый мир", № 12 / 1994 г.

3

3 "Правда Виктора Суворова. Новые доказательства", М., Яуза-ПРЕСС, 2008 г.

4

4 "СССР-Германия, 1939-1941 гг." Сборник документов, Вильнюс, "Мокслас", 1989 г. т.2, стр. 18

5

5 там же, стр. 20

6

6 РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 70, л.18 -19

7

7 ГАРФ, ф.Р-8418, оп. 24, д.2, л. 41

8

8 РГА ВМФ, ф. Р-1877, оп. 1, д. 195, л.1

9

9 РГА ВМФ, ф. Р-1877, оп. 1, д. 150, л. 2

10

10. РГВА, ф. 29, оп. 56, д. 89, л. 1-19

11

11. РГВА, ф. 29, оп. 56, д. 92, л. 1-34

12

12. РГВА, ф.9, оп. 29, д. 547, л. 378

13

13. ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д..239, л. 1-37

14

14. ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д..239, л. 197-244

15

15. ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д..242, л. 84-90

16

16. ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д..239, л. 245-277

17

17. ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д..241, л. 1-16

18

18. ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 48-64

19

19. ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д..237, л.1-15

20

20. "Новая и новейшая история", № 6/1992, стр. 5-8

21

21. М.А. Гареев, "Неоднозначные страницы войны", М, Воениздат, 1995 г., стр. 93

22

22. "СССР-Германия, 1939-1941 гг." Сборник документов, Вильнюс, "Мокслас", 1989 г. т.2, стр. 156

23

23. там же, стр. 164

24

24. там же, стр. 165

25

25. полный текст доклада С.Криппса размещен на официальном сайте Службы внешней разведки РФ <http://svr.gov.ru/material/pribaltica2.htm>

26

26. ГАРФф. Р-8418, оп. 25, д. 683, л. 227

27

27. ГАРФф. Р-8418, оп. 25, д. 683, л. 253

28

28. ГАРФф. Р-8418, оп. 25, д. 481, л. 32-33

29

29. М.И. Мельтюхов, "Упущенный шанс Сталина", М., Вече, 2000 г., стр. 110

30

30. И.Гофман, "Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы", М., АСТ-Астрель, 2006 г., стр. 84-85

31

31. РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 189, л. 59

32

32. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 36, л. 10

33

33. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 36, л. 11

34

34. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1544, л. 49

35

35. Г.К. Жуков, "Воспоминания и размышления", т.1, М., Издательство "Олма-Пресс", 2002, стр. 268

36

36. АПРФ, ф. 2, оп. 1, д. 188, л. 4-30. цитируется по В.М.Сойма, "Запрещенный Сталин", М., Олма-Пресс, 2005 г.

37

37. "Сборник боевых документов Великой Отечественной войны" № 34, М., Воениздат, 1953 г, стр. 11-12

38

38. там же, стр. 22-25

39

39. "Сборник боевых документов Великой Отечественной войны" № 33, М., Воениздат, 1952 г, стр. 23-24